

Последний сон старого дуба

(Рождественская сказка)

В лесу, высоко на круче, на открытом берегу моря стоял старый-престарый дуб, и было ему ровно триста шестьдесят пять лет, — срок немалый, ну а для дерева это все равно что для нас, людей, столько же суток. Мы бодрствуем днем, спим и видим сны ночью. С деревом дело обстоит иначе: дерево бодрствует три времени года и засыпает только к зиме. Зима — время его сна, его ночь после долгого дня — весны, лета и осени.

В теплые летние дни вокруг его кроны плясали мухи-поденки; они жили, порхали и были счастливы, а когда одно из этих крошечных созданий в тихом блаженстве опускалось отдохнуть на большой свежий лист, дуб всякий раз говорил:

— Бедняжка! Вся твоя жизнь — один-единственный день! Такая короткая... Как печально!

— Печально? — отвечала поденка. — О чем это ты? Кругом так светло, тепло и чудесно! Я так рада!

— Да ведь всего один день — и конец!

— Конец? — говорила поденка. — Чему конец? И тебе тоже?

— Нет, я-то, может, проживу тысячи твоих дней, мой день тянется целые времена года! Ты даже и сосчитать не можешь, как это долго!

— Нет, не понимаю я тебя! У тебя тысячи моих дней, а у меня тысячи мгновений, и в каждом радость и счастье! Ну, а разве с твоей смертью умрет и вся краса мира?

— Нет, — отвечал дуб. — Мир будет существовать куда дольше, бесконечно, я и представить себе не могу, как долго!

— Так, значит, нам с тобой дано поровну, только считаем мы по-разному!

И поденка плясала и кружилась в воздухе, радовалась своим нежным, изящным, прозрачно-бархатистым крылышкам, радовалась теплоте воздуха, напоенному запахом клевера, шиповника, бузины и жимолости. А как пахли ясменник, примулы и мята! Воздух был такой душистый, что впору было захмелеть от него. Что за долгий и чудный был день, полный радости и

сладостных ощущений! А когда солнце садилось, мушка чувствовала такую приятную усталость, крылья отказывались ее носить, она тихо опускалась на мягкую колеблющуюся былинку, сникала головой и сладко засыпала. Это была смерть.

— Бедняжки! — говорил дуб. — Уж слишком короткая у них жизнь!

И каждый летний день повторялась та же пляска, тот же разговор, ответ и засыпание; так повторялось с целыми поколениями поденок, и все они были одинаково веселы, одинаково счастливы.

Дуб бодрствовал свое утро — весну, свой полдень — лето и свой вечер — осень, наступала пора засыпать и ему, приближалась его ночь — зима.

Вот запели бури: «Покойной ночи! Покойной ночи! Тут лист упал, там лист упал! Мы их обрываем, мы их обрываем! Постарайся заснуть! Мы тебя убаюкаем, мы тебя укачаем! Не правда ли, как хорошо твоим старым ветвям? Их так и ломит от удовольствия! Спи сладко, спи сладко! Это твоя триста шестьдесят пятая ночь, ведь ты еще все равно что годовалый малыш! Спи сладко! Облака сыплют снег, он ляжет простыней, мягким покрывалом вокруг твоих ног! Спи сладко, приятных тебе снов!»

И дуб сбросил с себя листву, собравшись на покой, готовясь уснуть, провести в грезах всю долгую зиму, видеть во сне картины пережитого, как видят их во сне люди.

Он тоже был когда-то маленьким, и колыбелью ему был желудь. По человеческому счету он был теперь на сороковом десятке. Больше, великолепнее его не было дерева в лесу. Вершина его высоко возносилась над всеми деревьями и была видна с моря издалека, служила приметой для моряков. А дуб и не знал о том, сколько глаз искало его. В его зеленой кроне гнездились лесные голуби, куковала кукушка, а осенью, когда листья его казались выкованными из меди, на ветви присаживались перелетные птицы, отдохнуть перед тем, как пуститься через море. Но сейчас, зимой, дуб стоял без листьев, и видно было, какие у него изгибистые, узловатые сучья; вороны и галки по очереди садились на них и говорили о том, какая тяжелая настала пора, как трудно будет зимой добывать прокорм.

В ночь под рождество дубу приснился самый чудный сон его жизни. Послушаем же!

Он как будто чувствовал, что время настало праздничное, ему слышался вокруг звон колоколов, грезился теплый тихий летний день. Он широко раскинул свою могучую зеленую крону; между его ветвями и листьями играли

солнечные лучи, воздух был напоен ароматом трав и кустов; пестрые бабочки гонялись друг за другом; мухи-поденки плясали, как будто все только и существовало для их пляски и веселья. Все, что из года в год переживал и видел вокруг себя дуб, проходило теперь перед ним словно в праздничном шествии. Ему виделись конные рыцари и дамы прошлых времен, с перьями на шляпах и соколами на руке. Они проезжали через лес, трубил охотничий рог, лаяли собаки. Ему виделись вражеские солдаты в блестящих латах и пестрых одеждах, с пиками и алебардами; они разбивали палатки, а затем снимали их. Пылали бивачные костры, люди пели и спали под широко раскинувшимися ветвями дуба. Ему виделись счастливые влюбленные, они встречались здесь в лунном свете и вырезали первую букву своих имен на его иссера-зеленой коре. Веселые странствующие подмастерья, бывало, — с тех пор прошло много, много лет, — развешивали на его ветвях цитры и эоловы арфы, и теперь они висели опять и звучали опять так призывно. Лесные голуби ворковали, словно хотели рассказать, что чувствовало при этом дерево, кукушка куковала, сколько летних дней ему еще осталось жить.

И вот словно новый поток жизни заструился в нем от самых маленьких корешков до самых высоких ветвей и листьев. И чудилось ему, что он потягивается, чужаясь жизнь и тепло в корнях там, под землей, чужаясь, как прибывают силы. Он рос все выше и выше, ствол быстро, безостановочно тянулся ввысь, крона становилась все гуще, все пышнее, все раскидистее. И чем больше вырастало дерево, тем больше росла в нем радостная жажда вырасти еще выше, подняться к самому солнцу, сверкающему и горячему.

Вершина дуба уже поднялась над облаками, которые неслись внизу, как стаи перелетных птиц или белых лебедей.

Дуб видел каждым листком своим, словно у каждого были глаза. Он видел и звезды среди дня, и были они такие большие, блестящие! Каждая светилась, словно пара ясных, кротких очей, напоминая о других знакомых глазах — глазах детей и влюбленных, которые встречались под его кроной.

Дуб переживал чудные, блаженные мгновенья. И все-таки ему недоставало его лесных друзей... Ему так хотелось, чтобы и все другие деревья, все кусты, травы и цветы поднялись вместе с ним, ощутили ту же радость, увидели тот же блеск, что и он. Могучий дуб даже и в эти минуты блаженного сна не был вполне счастлив: ему хотелось разделить свое счастье со всеми — и малыми и большими, и чувство это трепетало в каждой его ветке, каждом листке страстно и горячо, словно в человеческой груди.

Крона дуба шевелилась, словно искала чего-то, словно ей чего-то не доставало; он поглядел вниз и вдруг услышал запах ясенника, а потом и еще более сильный запах жимолости и фиалок, и ему показалось даже, что он слышит кукушку.

И вот сквозь облака проглянули зеленые верхушки леса. Дуб увидел под собой другие деревья, они тоже росли и тянулись вверх; кусты и травы тоже. Некоторые даже вырывались из земли с корнями, чтобы лететь быстрее. Впереди всех была береза; словно белая молния, устремлялся вверх ее стройный ствол, ветви развевались, как зеленые покрывала и знамена. Все лесные растения, даже коричневые султаны тростника, поднимались к облакам; птицы с песнями летели за ними, а на былинке, зыбившейся на ветру, как длинная зеленая лента, сидел кузнечик и наигрывал крылышком на своей тонкой ножке. Гудели майские жуки, жужжали пчелы, заливались во все горло птицы; все в поднебесье пело и ликовало.

«А где же красный водяной цветок? Пусть и он будет с нами! — сказал дуб. — И голубой колокольчик, и малютка маргаритка!»

Дуб всех хотел видеть возле себя.

«Мы тут, мы тут!» — раздалось со всех сторон.

«А красивый прошлогодний ясенник? А ковер ландышей, что расстилался здесь год назад? А чудесная дикая яблонька и все те, кто украшал лес много, много лет? Если б они дожили до этого мгновенья, они были бы с нами!»

«Мы тут, мы тут!» — раздалось в вышине, будто отвечавшие пролетели как раз над ним.

«Нет, до чего же хорошо, просто не верится! — ликовал старый дуб. — Они все тут со мной, и малые и большие! Ни один не забыт! Возможно ли такое счастье?»

«Все возможно!» — прозвучало в ответ.

И старый дуб, не перестававший расти, почувствовал вдруг, что совсем отделяется от земли.

«Ничего не может быть лучше! — сказал он. — Теперь меня не удерживают никакие узы! Я могу взлететь к самому источнику света и блеска! И все мои дорогие друзья со мною! И малые и большие — все!»

«Все!»

Вот что снилось старому дубу. И пока он грезил, над землей и морем бушевала страшная буря — это было в рождественскую ночь. Море накатывало на берег тяжелые валы, дуб скрипел и трещал и был вырван с корнями в ту самую минуту, когда ему снилось, что он отделяется от земли. Дуб рухнул... Триста шестьдесят пять лет его жизни стали теперь как один день для мухи-поденки.

В рождественское утро, когда взошло солнце, буря утихла. Празднично звонили колокола, изо всех труб, даже из трубы самой бедной хижины, вился голубой дымок, словно жертвенный фимиам в праздник друидов. Море все более успокаивалось, и на большом корабле, выдержавшем ночную бурю, подняли нарядные рождественские флаги.

— А дерева-то нет больше! Ночная буря сокрушила старый дуб, нашу примету на берегу! — сказали моряки. — Кто нам его заменит? Никто!

Вот какую надгробную речь, краткую, но сказанную от чистого сердца, почтили моряки старый дуб, поверженный бурей на снежный покров. Донеслась до дуба и старинная песнь, пропетая моряками. Они пели о рождестве, и звуки песни возносились высоко-высоко к небу, как возносился к нему в своем последнем сне старый дуб.